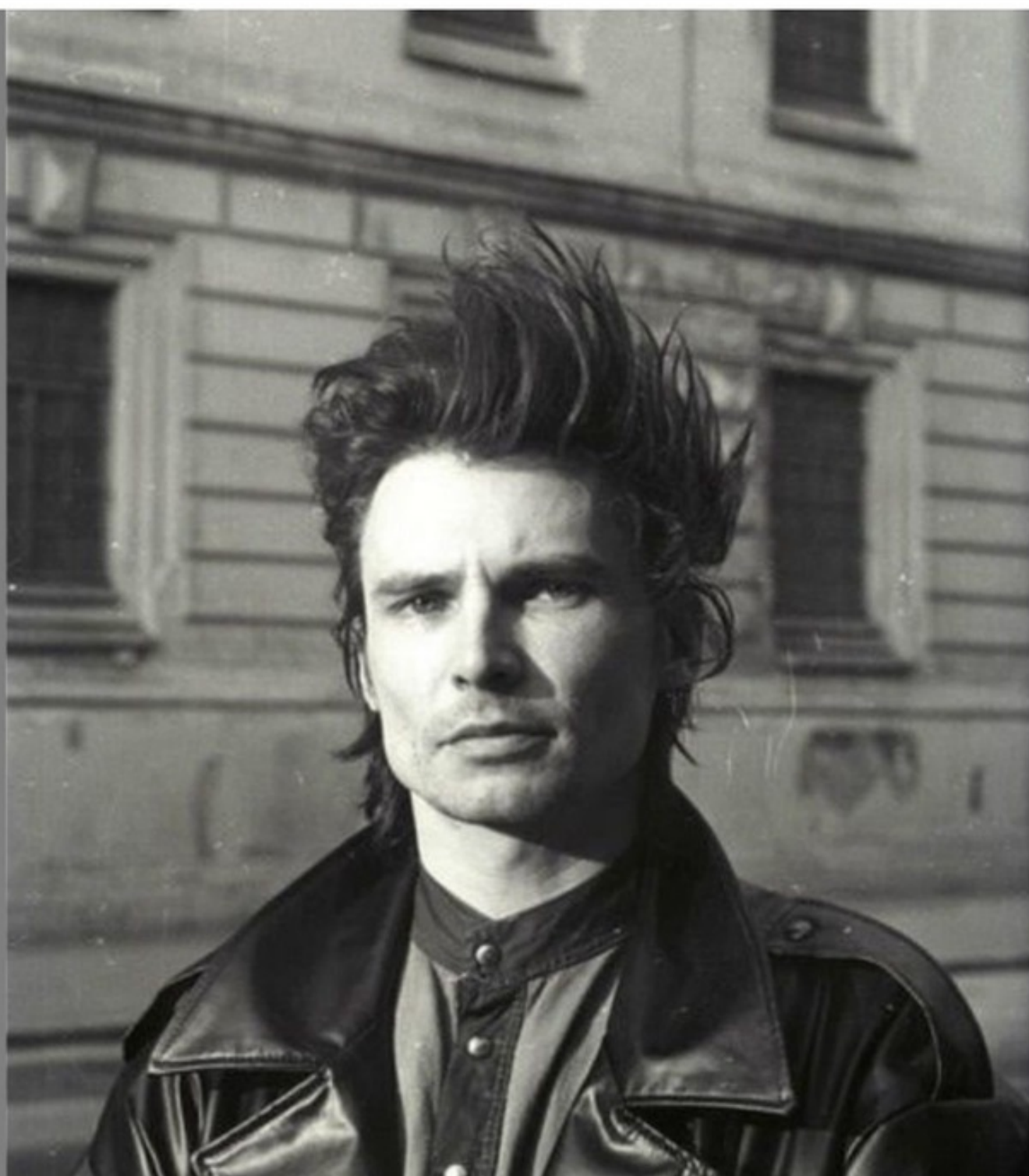

ЕВГЕНИЙ ТИТОВ

Здравствуй и прощай

ЕВГЕНИЙ ТИТОВ

Здравствуй и прощай

«Издательские решения»

Титов Е. Н.

Здравствуй и прощай / Е. Н. Титов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969821-6

Книга веселых и грустных историй из прошлого, из мира ленинградского панка, анархии и советской власти. Для тех, кто хочет узнать, что есть настоящий панк и как быть панком сегодня. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-969821-6

© Титов Е. Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. О себе	6
Детство	6
Школа	9
Коммуна	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Здравствуй и прощай

Евгений Николаевич Титов

В книге максимально сохранены авторские орфография и пунктуация. В оформлении книги использованы фотографии Наташи Васильевой и из личного архива автора.

Благодарность от А. К. Андрею Машинину за ценный материал из группы VK «Моя Камчатка».

Дизайнер обложки Alla Kuznetsova

Редактор Alla Kuznetsova

© Евгений Николаевич Титов, 2019

© Alla Kuznetsova, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-9821-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. О себе

Детство

Мои родители были простые люди, одного возраста ('27 и '28 годов рождения). Они имели 8 классов образования, потом рабфак, а с окончания блокады, с '43-'44 года, они всю жизнь работали на заводе. Отец был фрезеровщиком. Так что я выходец из рабочей семьи, каких были миллионы. Моя мать попала в Питер в '44 году, сразу после снятия блокады, ей было 16 лет. Населения в городе почти не осталось, и тогда целыми составами в город везли молодежь из окрестных областей, и больше всего из Вологодской, Архангельской, тех районов, куда не дошла война.

Мир сразу встретил меня в штыки. Я находился ещё в утробе матери. И отторгала и хотела убить моя собственная мать, которая мне же и давала жизнь. У меня была резус несовместимость с её организмом. Поэтому ещё в утробе я готовился к жёсткой борьбе за своё существование.

Из-за недостатка эритроцитов плод испытывает кислородное голодание, так, как будто он обескровлен. Поэтому производят внутриутробное переливание крови плоду. Это позволяет эритроцитам доставлять кровь к органам, но иммунитет матери не отторгает их как чужеродные. И вот мне сразу после рождения сделали полное переливание крови, от матери. Таким образом, у меня стал её резус и её первая группа. И я выжил.

Казалось бы, сразу не повезло, но – забегая вперёд – мне это очень помогло спустя много лет. В 2006 г. я должен был умереть от большой кровопотери – а выжил. Хирург мне так и сказал тогда: «Я не понимаю, почему ты не умер, но можешь теперь отмечать новый день рождения!»

И я – живу. И это радует.

Итак. Что было потом, подробностей не знаю. Когда мне исполнилось три года, меня попробовали отдать в детский сад. В первый же день меня за что-то наказали, раздели и поставили голым на табуретку в комнату девочек. Я не понимал почему, но чувствовал в этом унижение, насилие и несправедливость. Что взрослые, к которым меня привели, которые нами руководили там – чудовища, что это какой-то обман. Что обманывают всех, и нас, и моих родителей. И нам никто не поможет.

Поэтому я решил убежать из детского сада. И через несколько дней организовал коллективный побег с дневной прогулки.

Это было осенью. Нас искала вся милиция и еще куча народу. Нашла нас всех моя мать, в 4 часа утра, в промзоне рядом с Володарским мостом. Мы стояли в темноте, кучка детей, рядом с железнодорожными путями, и мимо нас медленно шли товарные составы. Наверное, она чувствовала, где я нахожусь. Была ночь. Место очень глухое и безлюдное, в 4—5 км от дома и места побега (парк с прудом рядом с Новочеркасской площадью, где мы днем гуляли).

«У меня уже тогда, видимо, проявились какие-то качества – нежелание ходить строем, за ручку.»

Ведь до того я рос, можно сказать, на воле. Каждое лето меня отправляли в глухую вологодскую деревню, где ближайший милиционер находился в 10 км, а условной властью мог считаться местный бригадир или тракторист, короче кто угодно, важен был простой авторитет у людей. Там и убивали, помню случай (меня, ребенка, пугали этим), что кто-то кому-то дал оглоблей по голове, и неудачно, ударяемый помер. Так народ обсудил это дело, решили, что

неправ был тот, кого ударили, и дело это потом было подано как несчастный случай. Но нас, детей пугали этим мужиком: «Вот Стаська Самсонов, вы к нему не подходите близко, он ведь человека убил!» И мы боялись этого крепкого молодого мужика, он жил особняком (возможно, после того случая). У него была жена, дети, и мы общались с его детьми. Но тоже осторожно.

Я как раз и устроил групповой побег в деревню. Пришел в садик и сразу всё понял. И убедил часть своих юных согруппников, что тут полный отстой, и взрослые – нехорошие люди, что засунули нас сюда. А нам нужно хорошо подготовиться и уехать в мою деревню – там настоящая жизнь, нам всем будут рады, места в доме полно, и тётка, старшая сестра матери, будет нам тоже очень рада. Она живет одна, а с нами ей будет не скучно. Я знал, что нужно ехать на поезде, и что нужны какие-то билеты. Мы насобирали на улице брошенные билеты на электрички, трамвайные, все, что было похоже на билет. Билетов было много и разных. Еще я знал, где находится железная дорога, где ходят поезда. Мы с отцом как-то раз, гуляя, ушли далеко и проходили там рядом. И вот, подготовившись, мы – несколько человек, незаметно ушли во время дневной прогулки в парке. В парк нас привели как дурачков, держащихся за веревочку... Да, представляете, тогда дети ходили, держась за веревочку... ужас.

Потом я больше не ходил в садик. От меня отказались. Я узнал недавно, что Андрея «Свинью» Панова тоже пытались в детстве отдать в детсад, и что он тоже ходил туда только три дня. Потом, на третий день, на прогулке, он снял ботинки, встал голыми ногами в лужу. А было это осенью. И потом он сильно заболел, и больше Лия Петровна не отдавала его в садик (*Прим. ред.: подробнее в книге «Андрей Панов. Творческая Биография», Л. Giseke, 2019, Издательские Решения*).

...Подробности того побега мне рассказал потом, спустя много лет, мой отец. А я помню свое чувство – сильнейшее разочарование от того, что, нам удалось незаметно убежать, мы пришли к поездам, нас никто не заметил, у нас есть билеты, а над нами, по высокой насыпи очень медленно, еле-еле, проезжают составы (по той ветке ходили только грузовые поезда) с множеством вагонов – и ни один не останавливается! Мы, кучка детей, стояли и смотрели на движущиеся вагоны. Этого я не предусмотрел.

«Еще я чувствовал разочарование от того, что мне поверили, а я не знаю, что делать дальше!»

Мы стали ждать. Хорошо, что насыпь была высокая, и мы не стали пробовать залезть в вагон. И стояли там до тех пор, пока нас не нашли. Мы стояли и ждали, что, может быть, какой-то вагон все-таки остановится, и мы поедем в деревню. Хорошо, что это было не депо, где составы стоят и формируются, потому, что куда бы мы уехали и где бы нас искали? Я не уверен, что мы смогли бы сказать, из какого мы города, если бы нас даже нашли на какой-нибудь станции. Еще нам повезло, что тогда время было спокойное, ночных отморозков и бомжей не было, и, я помню уже по старшим классам – можно было ночью спокойно одному идти пешком через весь город, через такие безлюдные ночью места, как парк Лесотехнической академии, Пискаревское кладбище и т. п.

То, что меня (и остальных) нашла не милиция и многочисленные добровольцы и родственники (а нас более 12 часов искал весь район), а нашла моя мать, ночью, в темноте, в заброшенной промзоне и так далеко от дома, говорит о том, что между матерью и ребенком есть какая-то связь, и некоторые это чувствуют. Видимо, у меня и моей матери что-то такое было, иначе что ее привело к нам? Скорее всего, такая же связь есть между всеми людьми. Это что-то животное, природное, чего мы не знаем, но оно в нас есть. Это единственное объяснение.

У меня в памяти с того возраста только и осталось – именно картина высокой насыпи и медленно проезжающих мимо вагонов. И чувство сильнейшего разочарования, облома. Первого в жизни, наверное.

«Когда понимаешь, чувствуешь, что иногда происходит что-то вопреки твоему желанию, и ты ничего с этим не можешь сделать, хоть убейся.»

Так как в садик меня определить не удалось, то мать до тех пор, пока я не пошел в школу, не работала. В мае, когда становилось тепло, меня каждый год отвозили на лето в Вологодскую область, к родственникам, и оставляли там надолго, до осени, пока не становилось холодно. Обузой я там не был – меня отвозили в дальнюю глухую деревеньку, к старшей сестре матери, которая была одинокая, и к которой отправляли на каникулы, по мере их подрастания, всех детей её сестёр. Семья у них когда-то, до войны, была большая. Бабушка была матерью-героиней. Но все мужчины – отец и братья – погибли на войне. Остались одни женщины. А эту старшую сестру – нашу няньку, все так и звали – Тётка. У нее было нормальное имя Клавдия, но даже сестры звали ее Тёткой. Она, кажется, жива до сих пор. Ей уже около 100 лет. Очень давно ее не видел, больше 30 лет.

В деревенском бревенчатом доме Тётки, в одной из комнат, висел большой, написанный масляными красками. Портрет их брата – моего дяди в военной форме, с погонами лейтенанта. Он был командиром танка. Погиб, совершив что-то геройское, освобождая белорусский посёлок. В этом поселке потом был музей его имени. Местные белорусские школьники-пионеры нашли родственников героя и прислали письмо Тётке, так как она единственная жила по тому адресу, откуда он уходил на фронт.

Я, когда засыпал, смотрел на этот портрет. Думал, что тоже буду, как он, танкистом. Или космонавтом, как наш однофамилец Герман Титов – второй после Гагарина космонавт в мире!

Я любил отдыхать активно. Мы с родителями при возможности ездили за город на «Лыжной стреле». Это была бесплатная электричка, на которой ездили семьи с детьми. Можно было ездить в разные красивые места Ленинградской области со своими лыжами или брать в прокат, кататься весь день, извальяться в снегу – и домой на той же электричке.

Школа

Я уже не вспомню сейчас номер школы, куда пошёл в первый класс. Это была начальная школа, отдельное здание, в ней учились только 1- 4 классы. Потом, в 5 класс, мы все переходили в другие, средние, школы. Я перешёл в 533 школу. В начальной школе я был круглым отличником, кроме пения, по которому мне ставили 4 из уважения к пятёркам по все остальным предметам. И в новой школе, в 5 классе, я тоже сначала был отличником. Осенью как-то раз на урок физкультуры пришёл тренер по лёгкой атлетике Владимир Иванович Тимошенко из Академии лёгкой атлетики им. Алексеева и предложил по вечерам приходить в школьный спортзал тренироваться. Меня это заинтересовало, и я стал заниматься. Сначала ходил два раза в неделю, потом стал ездить в новый легкоатлетический манеж «Зенит», который находился далеко, рядом с парком Сосновка на Гражданке, и ездил туда час на 46 трамвае, до кольца, и там ещё пешком. Потом я стал ездить только в манеж, чуть ли не каждый день. Заходил после школы домой пообедать и ехал, а уходил часто очень поздно, с последними, когда манеж закрывался, на улице было уже темно.

Мне очень нравится этот новый для меня мир, мир спорта, здоровые, сильные и поэтому красивые целеустремленные люди – я не про их внешность говорю, а про красоту гармонии, которую просто чувствуешь. И хочешь стать в будущем таким же, как они. Ведь взрослые мастера тренировались рядом с нами. Вообще я был там какое-то время самый младший, у нашего тренера.

И так сложилось, возможно, с тех времён, что мне было интереснее со старшими. Со сверстниками я общался мало, только на уроках в школе. Может быть, поэтому и потом у меня не было ни школьных (кроме Алексея Хавина), ни университетских друзей, которые были бы на всю жизнь. Переходя куда-то, я всегда начинал жизнь с чистого листа.

В средней школе я продолжал серьёзно заниматься спортом – был в юношеской сборной Ленинграда, имел 2 место в городе по прыжкам с шестом и многоборью, параллельно играя в хоккейной и футбольной командах. Затем, с 7 класса, увлекшись математикой, и получив диплом на городской олимпиаде, был приглашён в математическую школу №239, где был лучшим математиком класса. Я там валял дурака, у меня не было даже тетрадей. Писал на бумажках, которые подвернутся в портфеле. Но задачки решал все. А родители мои не знали, в какой школе учился я после 8 класса.

«Мне в конце школы, весной, предлагали поступать в высшую школу КГБ.»

Это было в школе – человек в штатском пригласил в класс, мы были одни, и сделал такое предложение. Мне не предлагали стучать или что-то такое делать. Он сказал что-то типа: «В этом году вы заканчиваете школу, и мы предлагаем вам поступать в нашу высшую школу. Мы ознакомились с вашей анкетой, вы нам подходите».

А я действительно был из рабочей семьи, имел второе место по городу по прыжкам с шестом и легкоатлетическому многоборью среди юношей, как я говорил выше (занимался в легкоатлетическом манеже «Зенит»), учился в математической школе и т. п. Кажется, этот человек – я видел его впервые – высокий, в светло-сером костюме, оставил мне номер телефона, чтобы я подумал. Но я тогда отказался, меня чуть ли не возмутило подобное предложение. Как же так, я – такой борец с режимом, а мне делают такие предложения – я не предатель и т. п.

Но сейчас я думаю, что, возможно, мне нужно было согласиться! Если вы считаете, что вправе критиковать некие структуры со стороны, лучше ознакомиться с ситуацией изнутри,

и – если что-то не так, то – пожалуйста – меняй все в лучшую сторону! – делай по справедливости, по крайней мере, пытайся – но конкретно, в каждой конкретной ситуации. И, если, вдруг, это было бы невозможным – то и борись, но не вообще с абстрактной «кровавой гебней», а по делу, если с чем-то не согласен. И тогда это, возможно, было бы более эффективно и для страны и для общества – если бы люди, которые считают себя «высокоморальными» и «борцами за справедливость» и с социалистическими по сути убеждениями – не гнушались и шли бы работать, например, в органы безопасности. Но тогда я, конечно, отказался. Мы с Лёшей Хавиным активно участвовали в коммуне, изучали анархо-коммунизм и, как мы думали, боролись с лживым режимом...

Я увлекся левыми идеями и анархизмом с подачи Хавина, в 9 классе («76 год). Мы с ним очень много говорили и обсуждали – что происходит, почему. История – что и как было. Ведь в математике, которая для меня тогда была наукой номер один, – как дело обстоит? В математике 2 – это *ровно* 2, а не «что-то около трех, но чуть меньше». Мне, как человеку математического склада (в то время) хотелось все в мире разложить по полочкам и конкретизировать, хотя бы для себя – так, чтобы черное было черным, белое – белым, а не наоборот. Хотя понятно, что дело в определениях – и поэтому важно было *точно* и правильно дать определения всему, что нас окружает. Конечно, это идеализм и немного по-детски, но мы тогда этого не понимали, для нас все было абсолютно. Нам казалось, что стоит только правильно все определить, назвать (чисто математическая задача), и тогда у всех вокруг откроются глаза, и все изменится, придет равенство-братство-справедливость и будет всем счастье.

В конце 8 класса я учился в 533 школе. Директриса, которую все боялись, вызвала меня в свой кабинет и сказала: «По оценкам мы должны оставить тебя в 9 класс, но ты нам тут не нужен. Иди куда хочешь».

Она была высокого роста, тощая, с начёсом, крупные роговые очки, рот крупный, яркая помада на тонких плотно сжатых в недовольном выражении губах, массивные тёмные туфли на высоком каблуке. Она шла по школьному коридору отчётливо громко, как статуя командора, и, издали услышав звук её шагов, школьники вжимались в стену и замолкали. По коридору раздавался только звук её шагов, до тех пор, пока она не пройдёт и не скроется из виду. Тогда только начиналось какое-то шевеление толпы – вы же знаете, как обычно выглядит и голосит школьный коридор во время перемены. Директрису очень боялись все, и старшие тоже. Это был иррациональный страх, с первых классов все знали, что её надо бояться, но никто не знал, почему.

Так вот, однажды, когда за какую-то провинность я был вызван в кабинет директора школы на беседу, я довёл её, такую чопорную и внешне невозмутимую и холодную, как айсберг до того, что она в какой-то момент привстала, перегнулась через директорский стол и вцепилась мне в волосы! И стала что-то яростно шипеть при этом. Это было так неожиданно, что я не испугался, а наоборот, стал смеяться. Почему-то это очень меня развеселило, такой переход. Как в кино, но все происходило по-настоящему. Это было невероятно, мне потом никто не поверил. А она разозлилась ещё больше, наверное, ещё и потому, что не смогла сдержаться, и заорала, чтобы я шёл вон отсюда.

И, конечно, после такого было понятно, что в школе меня не оставят ни при каких обстоятельствах, несмотря на какие угодно дипломы олимпиад.

Возможно, если бы я учился в этой школе с первого класса, то я тоже её боялся бы, как все. Но я пришёл с пятого, и как-то не проникся этим коллективным ужасом. Я относился к ней осторожно, чувствовал опасность, от неё исходящую, этот страх вокруг неё. И для меня стала полной неожиданностью её несдержанность в ситуации со мной. Она сама себя опустила, низвела с трона снежной королевы до уровня базарной хабалки. И возненавидела меня за то, что я был не только причиной, но и свидетелем этого её падения.

А вот что касается хорошей, давшей мне много учительницы, могу рассказать про свою классную в 239 школе, Янину Максимовну Лебедеву. Она у нас вела русский и литературу. И ее программа сильно отличалась от школьной программы.

«Собственно, под ее влиянием, и от тех стихов, которые она нам читала, с которыми знакомила нас, я сам стал пробовать писать стихи.»

Это случилось со мной в 9 классе. От Янины я впервые услышал стихи Хлебникова, Бурлюка, Гумилева, Блока, Ахматовой, Маяковского и других поэтов серебряного века. Она читала их стихи, сопоставляла, объясняла, почему автор написал так, с чем это связано в его жизни, в каких обстоятельствах это писалось. И как вдумчиво она произносила каждое слово! Я открыл для себя целый мир, сложный и интересный.

Наверное, мое отношение к женщине не как к объекту сексуального интереса, а как к незаурядной личности, в первую очередь стало формироваться тогда – из моего отношения к Янине, из того впечатления, которое она произвела на меня. Она была немолода, художавая, имела крупные выразительные черты лица. Морщины на лбу и лице ее скорее украшали, подчеркивали ее мудрость и ум. Она курила исключительно папиросы Беломорканал, курила много. Возможно, из-за этого у нее был низкий, глубокий голос. Она говорила медленно, без суеты, чувствуя и давая время почувствовать нам каждое произнесенное слово. Раньше в своей жизни я не сталкивался с такими женщинами. Училки из начальной и средней школы были не такие, намного проще и приземленней. Соседки, мать, сестра и ее подружки, и, наверное, одноклассницы, к которым я особо не приглядывался и не прислушивался – они все были обычные. К концу школы я даже не всех своих одноклассниц знал по имени, настолько они были мне не интересны. И так же быстро я совсем забыл о них. А Янина была особенная. Потом, через много лет, такой же особенной была для меня Лия Петровна, мать Свиньи. Были, встречались и другие незаурядные яркие женщины, но со многими из них я не имел долгого общения. Наверное, для меня что мужчина, что женщина – в первую очередь могут быть интересны и уважаемы как личность, а потом всё остальное.

Коммуна

ПЛЕВКИ И МАСТУРБАЦИЯ

(посвящается Александру Герберту)

1.

*белые костяшки на горле панк-тусовки
сжимает извращенный мелочный режим
плевать мы будем яростно, плевать без остановки
плевать мы будем весело, а после убежим*

2.

*плевки и мастурбация – всё, что нам надо
плевки и мастурбация – это улёт
плевки и мастурбация – раздави гада,
плевки и мастурбация – полный вперед!*

припев:

*только невинные глупые панки
свесили ножки, на ветках сидят
им ни о чем пулеметы и танки
им ни о чем, что о них говорят.*

*после сражения, насмерть убитый
встанет обтруханный гордый народ
косуху оденет и вдаль удалится,
и на помойке спасенье найдет!*

(Е. Титов 1.11.2018)

В 1976 году я с одноклассником Лешей Хавиным встретил у Гостиного Двора Сашу Скобова «Облятивуса» – он был идейный анархо-марксист, настоящий революционер. Учился на 4 курсе ЛГУ на историческом факультете. А мы с другом учились в 10 классе, (т.е. были помладше) Так вот, Сашу мы встретили после его акции, когда он со второго этажа Гостинки раскидывал листовки. Мы знали об этой акции (про нее говорили по «голосам»), знали, что она будет, и пришли посмотреть. Акция уже закончилась, мы пришли позже и стояли, ждали – вдруг что-то будет еще?

И Саша стоял неподалеку. Он выглядел как настоящий боец-анархист (слова «панк» тогда еще не было) – солдатская шинель без погон, с поднятым воротником – а было холодно и шел снежок – длинные волосы, острые черты лица, очки. На ногах – грубые кирзовые сапоги. Сумка на длинном ремне. Такие типажи и сейчас ходят – это классика жанра. Но тогда это было в диковинку. Мы впервые в жизни увидели настоящего революционера. Постояли какое-то время. Кроме нас там никого больше не было. Мы подошли к Саше и познакомились. Так, через знакомство с Облятивусом, я от теории анархизма перешел к практике.

У них была коммуна. Мы с Лехой стали ездить туда, участвовали в самиздате левой направленности. Мы боролись за справедливость, за права простых людей. Против формы государственно-монополистического капитализма в лице СССР.

«Потом всех старших товарищей посадили, с минимальным сроком 5 лет.»

А кого не посадили, так отправили на принудительное лечение в психушку. Облятивуса туда как раз и отправили. Кому-то наркотики подбросили. Тогда очень не любили по полити-

ческой статье сажать. Искали, за что еще можно привлечь – и находили! Моему товарищу как раз наркоту и подбросили. Ему уже исполнилось 18, а мне еще нет, и меня не посадили. А ему дали 5 лет строгого режима, и в 18 лет он поехал «ту-ту».

Еще в школе, в 16 лет, я увлекся учениями Бакунина, Кропоткина и другими левыми теориями, читал всё, что можно было достать на эту тему, и вместе с А. «Облятивусом» Скобовым, А. Хавиным и др. входил в кружок-коммуна «Левая оппозиция» (1976—78 гг.). Затем уже, после школы, я очень хотел достать какие-нибудь работы из Франкфуртской школы, это марксизм 1980-х гг. Тогда я, переводя, и выучил бы язык. Участниками коммуны были школьники математических школ (121 и 239) и студенты истфака Ленинградского Университета, мы, Скобов и его друзья снимали дом в пригороде и жили коммуной, издавали альманах (2 выпуска), пытались наладить контакт с единомышленниками из других городов. Изучали современные левые теории, как альтернативу советской практике и официальному «научному коммунизму».

11 февраля 1978 умерла моя мать. Она тяжело болела – рак – и умирала год, весила 37 кг и выглядела как блокадница, лежала дома (могла только лежать) ... Я видел это ежедневно, и тогда на меня это так действовало, что я был в каком-то «коматозе», отрешении. И на этом фоне я не мог часто, как раньше, ездить в коммуна. А этой же зимой-весной 1978 г. её и стали громить...

В 1978 году коммуна была разгромлена. Большинство участников получили большие сроки или попали на принудительное лечение в психбольницу. Мне тогда не было 18, и я был только отчислен с физфака ЛГУ.

В общем, как мне сейчас кажется, если бы в соответствующих органах были умнее и не громили бы кружки, подобные нашему, а наоборот – аккуратно и ненавязчиво помогали бы (любовно вращивали), то, вполне возможно, что из противников того государства мы могли бы стать его опорой. Если бы это было так, то не рухнул бы «совок», не пришла бы та дрянь, что пришла в 90-е. Но, тогда (если бы мы, и нам подобные, были востребованы) это была бы другая страна, настоящий «Союз Советских Социалистических Республик», а не тот унылый лживый безнадежный совок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.